

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее

Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее

Сцены из провинциальной жизни

Дж. М. Кутзее

Медленный человек

Дж. М. Кутзее

Школьные дни Иисуса

Дж. М. Кутзее

Осень в Петербурге

Дж. М. Кутзее

Элизабет Костелло

Дж. М. Кутзее

Толстой, Беккет, Флобер и другие.
23 очерка о мировой литературе

Р. Флэнаган

Узкая дорога на дальний север

Р. Флэнаган

Смерть речного лоцмана

Р. Флэнаган

Желание

Р. Флэнаган

Неизвестный террорист

Т. Моррисон

Возлюбленная

Т. Моррисон

Боже, храни мое дитя

Т. Моррисон

Любовь

Т. Моррисон

Песнь Соломона

Д. Лессинг

Марта Квест

М. Этвуд

Слепой убийца

Б. Дилан

Хроники

Б. Дилан

Тарангул

Т. Т. Энг

Сад вечерних туманов

И. Макьюэн

В скорлупе

И. Макьюэн

Цементный сад

П. Бейти

Продажная тварь

П. Фицджеральд

Книжная лавка

П. Фицджеральд

В открытом море

М. Конде

Я, Титуба, ведьма из Салема

Жан-Мари Гюстав Леклезю

Битна, под небом Сеула

Африканец

Жан-Мари Гюстав
Леклезлио

Африканец

Москва
2020

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Л43

Jean-Marie Gustave Le Clézio
L'AFRICAN

Copyright © Editions Mercure de France, 2004
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Н. Жуковой*

Оформление серии *К. Териной*

Дизайн переплета *А. Саукова*

Леклезлио, Жан-Мари Гюстав.

Л43 Африканец / Жан-Мари Гюстав Леклезлио ; [перевод с французского Н. Жуковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 128 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

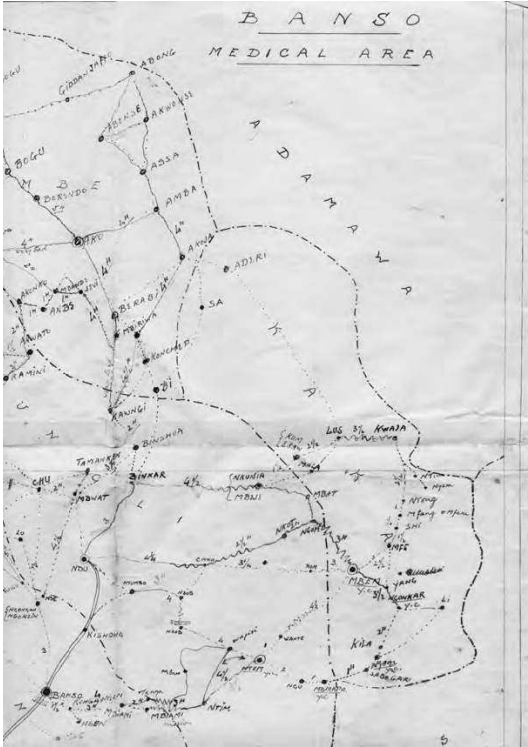
ISBN 978-5-04-106623-9

«Африканец» — это больше чем воспоминания о тех годах, которые Жан-Мари Гюстав Леклезлио провел в Африке, где его отец работал врачом. Это рассказ об истоках его мыслей, стремлений, чувств. Именно здесь, в Африке, будущий нобелевский лауреат почувствовал и в полной мере осознал, что такое свобода — бескрайняя, безграничная. Свобода, которую можно ощутить только на этом континенте, где царствует дикая природа, а люди не знают условностей.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-106623-9

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Фот. 1. Карта медицинского округа Бансо, Западный Камерун

Всякий человек — плод его отца и матери. Родителей можно не признавать, не любить, сомневаться в них. И все-таки они в нас — с их лицами, жизненной позицией, жестами, пристрастиями, иллюзиями, надеждами, формой ладоней и пальцев ног, цветом глаз и волос, манерой говорить, мыслями. Возможно, с уже отмеренным сроком жизни. Все это, безусловно, передается нам.

Долгое время я представлял, что моя мать была чернокожей. Я придумывал себе историю, вымышленное прошлое, стараясь убежать от реальности после моего приезда из Африки в страну и город, где я уже никого не знал, которому стал чужим. Много позже, когда мой отец, уже в пенсионном возрасте, вернулся, чтобы жить с нами во Франции, я понял, что как раз он-то и был Африканцем. Принять это было трудно. Мне пришлось мысленно вернуться в прошлое, начать все заново, попытаться понять. В память о том времени и написана эта маленькая книжка.

ТЕЛО

О лице, которое я получил при рождении, мне есть что сказать. Прежде всего пришлось его принять. Заявить, что оно мне не нравилось, означало бы придать ему ту важность, которой оно не имело, когда я был ребенком. Я не ненавидел его, нет, просто игнорировал, избегал по возможности. Старался не смотреться в зеркало. Теперь мне кажется, что я не видел его годами. Разглядывая фотографии, я притворялся, что не замечаю его, отводил глаза, будто это был кто-то другой, случайно занявший мое место.

В возрасте примерно восьми лет я жил в Западной Африке, в глухом местечке Нигерии, где, кроме моих родителей, европейцев не было, а все человечество для меня, ребенка, каким я тогда был, состояло исключительно из представителей племен ибо и йоруба. Хижина, в которой мы поселились (слово «хижина» несет определенный «колониальный» оттенок и сегодня кажется странным, однако оно прекрасно характеризует казенное жилье, выделяемое английским пра-

вительством военным врачам), состояла из цементной плиты взамен пола, четырех сложенных из камня неоштукатуренных стен да выложенной пальмовыми листьями железной, без намека на декоративность, крыши. Гамаки, державшиеся на вделанных в стены крюках, исполняли роль кроватей. Единственной данью роскоши был душ, соединенный металлическими трубами с баком, который на крыше нагревался от солнца. В нашей хижине не имелось ни зеркал, ни картин, ничего, что напоминало бы о мире, в котором мы жили до сих пор. За исключением, пожалуй, распятия, повешенного отцом на стену, но и то было без человеческой фигуры. Именно там, в хижине, я овладел умением забывать. Мне кажется, что в момент, когда я переступил порог дома в Огодже, произошло «стирание» из моей памяти не только моего лица, но также и лиц всех, кто находился рядом.

Прямым следствием исчезновения лиц в это время явилось появление тел. Моего собственного, тел моей матери, брата, соседских мальчишек, с которыми я играл, африканских женщин на дорогах, вблизи дома, на рынке или возле реки. Статных женских тел, тяжелых грудей, кожи, лоснившейся на спинах, мальчишеских членов с обрезанными розовыми концами. Лица, конечно, присутствовали тоже, но только как подобие кожаных масок: задубевшие, испещренные шрамами и ритуальными насечками.

Выпуклые животы, шарики пупков, похожие на зашитые под кожу пуговицы. Был еще запах, и, главное, ощущение от прикосновений — кожа на ощупь не грубая, а теплая и легкая, покрытая тысячами волосков. От множества тел вокруг у меня создавалось впечатление особой, сокровенной близости, которой я не знал прежде: чего-то одновременно и нового, и хорошо знакомого, исключавшего всякий страх.

В Африке бесстыдство тел было великолепным. Оно давало простор, глубину, умножало ощущения, создавало вокруг меня людской водоворот. Это бесстыдство находилось в полной гармонии со страной ибо, с руслом реки Айя, деревенскими хижинами с их рыжеватыми крышами и стенами цвета земли. Оно искрилось в именах, которые впечатывались в меня, означая куда больше, чем просто названия мест: Огоджа, Абакалики, Энугу, Обуду, Батерик, Огруде, Обубра. Оно пропитало собой даже стены тропического леса, обступавшего нас со всех сторон.

В детстве не принято злоупотреблять словами (и они остаются незатасканными). Тогда я был очень далек от всяких там прилагательных и существительных. Я не мог не то чтобы произнести, но и помыслить о таких понятиях, как «великолепный», «огромный», «мощь». Зато был способен их воспринять. Ощутить силу, с которой высокие прямые стволы устремлялись к мрачному, смыкавшемуся над моей головой своду, вовле-

Жан-Мари Гюстав Леклезю

кая в него, точно в тоннель, кровавую брешь ла-теритовой дороги, ведущей из Огоджи в Обуду; с необыкновенной остротой почувствовать мощь и великолепие обнаженных, блестящих от пота тел на окраинах деревни, объемистых силуэтов женщин с висящими на их бедрах детьми, — все то, что образует единый, нерасторжимый ансамбль, лишенный всяческой лжи.

Фот. 2. На реке, Аоада (Нигерия)

Я хорошо помню наш приезд в Обуду: вынырнув из лесной тени, дорога напрямик уперлась в залитую солнцем деревню. Отец остановил машину: вместе с мамой он должен был переговорить с местными властями. Я остался один посреди толпы, но мне совсем не было страшно. Чьи-то руки касались меня, трогали за плечи, проводили по волосам, выбивавшим-

ся из-под полей шляпы. Среди тех, кто меня обступил, была одна старуха — тогда я еще не знал, что она старуха. Предполагаю, я догадался о ее возрасте потому, что она отличалась от голых детей и одетых более или менее по-европейски мужчин и женщин, которых я видел в Огодже. Когда мама вернулась (возможно, смутно встревоженная скоплением народа вокруг меня), я показал на эту женщину: «Что с ней? Она больна?» Помню эти вопросы, которые я тогда задал маме. Обнаженное тело женщины, состоявшее из складок и морщин и напоминавшее сброшенный чехол, дряблые длинные груди, свисавшие до живота, сморщенная, увядшая, сероватая кожа, — все это казалось мне странным и в то же время чем-то настоящим. Мог ли я представить эту женщину своей бабушкой? И я ощущал вовсе не ужас и жалость, а приязнь и интерес, — то, что обычно вызывает созерцание истины, живой реальности. И только вопрос: «Она больна?» и сейчас жжет меня; странно, словно все это было вчера. И не из-за ответа — возможно, обнадеживающего или немного смущенного — моей мамы: «Нет, она не больна, она — старая, только и всего». Старость, воплощенная в женском теле, особенно шокирует ребенка, поскольку во Франции, в Европе, в стране корсетов, нижних юбок, бюстгалтеров и комбинаций, женщины успешно спасаются от возрастной «болезни». У меня до сих пор горит